

Духовный силуэт Сюй Чэня медленно растаял, окончательно растворившись в воздухе. В следующую секунду все здание содрогнулось от мощного толчка. Из подготовленных точек Зловещей Звезды хлынули клубы удушливой энергии ша. Растекаясь по коридорам, темные волны натывались на защитные символы, которые Чжоу Тун начертал на стенах, и в страхе отпрядали. На миг зловещий туман замер в нерешительности, однако напор мертвящей силы неумолимо рос. Вскоре этот бурный поток должен был без остатка истощить духовную мощь талисманов.

Чжоу Тун с мрачным видом быстро шел по коридору, проходя сквозь стены напрямик к финансовому отделу. Там энергия ша сгустилась настолько, что заполнила собой каждую щель. Несколько замешкавшихся сотрудников, смертельно бледных от страха, безуспешно пытались сообразить, что происходит. Им казалось, будто в воздухе клубится нечто грязное и жуткое. Люди задыхались, словно посреди бушующего пожара, сухой невидимый дым до боли драл им горло.

Отгнав их прочь, Чжоу Тун устремился дальше, в глубь финансового отдела.

В кармане зазвонил телефон. Чжоу Тун взглянул на экран — пришло сообщение от Янь Ци с Бацзы Янь Хая. Времени на раздумья не оставалось. Выхватив из кармана полоску желтой бумаги, Чжоу Тун быстро вырезал из нее силуэт человечка. Он до крови прикусил палец и миниатюрной кистью из козьей шерсти размашисто вывел на талисмане кровью дату и время рождения юноши. Спрятав бумажную фигурку обратно, он без тени колебания шагнул прямо в клубящийся мрак.

— Столько энергии ша пропадает, — вполголоса бросил он в пустоту. — Не хочешь выйти и наесться досыта?

Тень в ответ лишь пренебрежительно фыркнула. Выскользнув наружу из рукава, где лежал Наконечник Бронзовой Алебарды, она, подобно ненасытному чудовищу Таотэ, принялась жадно заглатывать окружающую зловещую дымку. Однако мертвящая сила прибывала без остановки, накатывая бесконечными волнами со всех сторон. Поглотить все без остатка было невозможно, но Тень сумела расчистить для Чжоу Туна узкий, свободный от скверны проход.

По этому чистому коридору юноша ворвался в глубь финансового отдела.

Прямо над рабочим местом Чжоу Сяопин клубы ша сгустились, обретая очертания ребенка. Младенческий призрачный силуэт размером с диванную подушку парил в черном тумане, оглашая пространство надрывным, несмолкающим плачем. Темные вихри плотно обвивали крошечное тельце, безжалостно терзая его конечности и плоть, словно пытаясь утащить в бездну ада Авици и разорвать на куски.

«Сюй Чэнь пошел на безумный шаг... Неужели любовь к нерожденному сыну была настолько слепой, что ради его призрачного спасения он обрек себя на полное уничтожение, позволив развеять свои три души и семь земных сущностей? Стоило ли приносить столь страшную жертву ради создания этого чудовищного проклятия?»

Дитя в чреве Чжоу Сяопин давно погибло. Этот смертоносный ритуал заставлял его душу впитывать колоссальные объемы энергии ша. Чтобы обратить неизбежную гибель вспять и вернуть дитя к жизни, требовалось совершить последний, ключевой шаг — поместить Пурпурную звезду во Дворец судьбы.

Замысел Сюй Чэня был до крайности расчетлив: он намеревался руками Чжоу Туна оборвать жизнь Янь Хая, чтобы завершить расклад. Обменять одну жизнь на спасение всех людей в этом огромном здании — любому такая сделка показалась бы более чем выгодной.

Но Сюй Чэнь совершил роковую ошибку — выбрал не того человека. Чжоу Тун мог разрушить смертоносное построение и не проливая кровь Янь Хая. Потребовалось бы лишь немного больше времени, вот только нерожденный ребенок Чжоу Сяопин в таком случае был обречен.

Выверив направление, Чжоу Тун швырнул бумажного человечка с Бацзы Янь Хая прямо над головой призрачного младенца. Стоило талисману коснуться зловещей ауры, как та изогнулась и пошла рябью. Окутывавшие дитя вихри ша начали медленно отступать. Крик ребенка понемногу затих — кажется, боль отступила, и он лишь тихо, облегченно забормотал.

Чжоу Тун облегченно выдохнул, размял плечи и негромко произнес:

— У нас есть час. Начинаем.

Тень молча кивнула. Но стоило Чжоу Туну обернуться, как у самого входа он заметил смутный человеческий силуэт.

Плотные клубы темной энергии окутывали фигуру, почти полностью скрывая лицо. Настороженно глядя на незваную гостью, Чжоу Тун спросил:

— Госпожа Чжоу, что привело вас в Компанию Хайжуй в столь поздний час?

Жизненная сила тонкой струйкой уходила из ее тела, испаряясь прямо над макушкой. Дни Чжоу Сяопин были сочтены.

— Я слышала... Мой малыш плачет, — бесцветным, полным отчаяния голосом отозвалась женщина.

Пошатываясь, она сделала шаг навстречу Чжоу Туну. Черный туман шелковыми лентами скользил по ее плечам. Чжоу Сяопин шла с трудом, и сквозь едкий, удушливый запах ша Чжоу Тун внезапно уловил едва заметный аромат свежей крови.

Ее остекленевший взгляд блуждал в пустоте.словно живой мертвец, она медленно приблизилась, остановилась напротив юноши и, бережно положив ладонь на живот, прошептала:

— Господин Чжоу, мой мальчик ни в чем не виноват. Он ведь даже не успел увидеть этот мир... Неужели он должен умереть?

Чжоу Тун промолчал, лишь крепче сжав губы.

— Госпожа Чжоу, — наконец тихо произнес он, — ваше дитя погибло еще в утробе.

— Вот как? — Ее веки дрогнули, в глазах блеснули слезы. — Но я хочу, чтобы он жил. Я его мать. И если я смогла подарить ему жизнь однажды, значит, смогу сделать это снова.

Наконец Чжоу Тун понял, откуда исходил металлический запах крови. Посмотрев вниз, он вздрогнул: за женщиной тянулся густой алый след, прочертивший дорожку от самых дверей до ее ног.

Вдруг Чжоу Сяопин шагнула вперед и мягко, по-матерински обняла юношу, словно прижимая к себе родного сына. На ее бледном лице промелькнула слабая улыбка.

— Для завершения ритуала нужна Пурпурная звезда, верно? — прошептала она ему на ухо. — Сюй Чэнь говорил, что моя звезда судьбы — тоже Пурпурная...

Договорив, она тяжело обмякла. Чжоу Тун подхватил угасающее тело и аккуратно опустил с ним на пол. Он прижал пальцы к сонной артерии женщины — под кожей царила мертвая тишина. Тонкая нить жизненной энергии, еще секунду назад парящая над ее головой, окончательно оборвалась и растворилась в пустоте.

«Зачем же так...»

Чжоу Тун горько усмехнулся. Безграничная любовь этих родителей к своему чаду вызвала невольное уважение. Неужели каждый отец и каждая мать готовы без раздумий расстаться с жизнью ради спасения своего дитя? Но их путь был в корне неверен. Даже если забыть о невинных людях, чьи жизни они собирались принести в жертву — что ждало этого ребенка впереди? Родители мертвы. Кто позаботится о сироте, когда в живых не осталось ни единой родной души?

Мать Чжоу Туна ушла из жизни слишком рано. Все, что у него осталось от нее — пожелтевшая фотография, с которой ему мягко улыбалась незнакомая женщина. Он никогда не знал тепла материнских рук, не капризничал, уткнувшись в ее плечо, не пробовал домашней еды, приготовленной ее заботливыми руками. Отец, Чжоу Да, скончался позже, когда сын уже начал что-то понимать, но Чжоу Тун все еще оставался уязвимым подростком, не способным позаботиться о себе самостоятельно. Если бы не солидное наследство, оставленное отцом, ему банально не на что было бы купить еду. Весь свой путь взросления он прошел в одиночку, стиснув зубы. Когда одолевала болезнь, он один метался в лихорадке на пустой кровати; когда наваливалась глухая тоска, он часами смотрел в ночное небо, чувствуя, как внутри него камнеет характер. Он слишком хорошо знал, сколько лишений и ошибок ждет ребенка,

лишенного родительской опоры.

«Мне, конечно, жаль малыша... но не тащить же его к себе домой?» — с нарастающей головной болью подумал Чжоу Тун.

Однако дальнейшие события показали, что беспокоился он совершенно напрасно.

Смерть Чжоу Сяопин высвободила мощный поток иньской энергии. Сливаясь со зловещей аурой ша, эта ледяная сила заструилась из ее лона. Мертворожденный младенец, отчаянно извиваясь, принялся карабкаться наружу. Сначала показался склизкий багровый комок плоти. Крошечные скрюченные пальцы вцепились в подол материнской юбки, и следом из утробы вылезла огромная, размером с чугунный котелок, голова.

— С этим ребенком что-то не так, — процедил сквозь зубы Чжоу Тун.

— Перед тобой Проклятие Мертворожденного Младенца, — отозвалась Тень. — Дитя погибло во чреве, и его душа оказалась заперта в теле матери. Не зная свободы, она копила лютую злобу. Под влиянием «Структуры Звезды Воинственности и Алчного Волка во Дворце Тела» зловещая ша скапливалась вокруг матери, вращивая плод в самом эпицентре скверны. А теперь, когда оба родителя мертвы, этот монстр обрел долгожданное рождение. Проклятие Мертворожденного Младенца, рожденное из трех зловещих совпадений... — Тень зловеще расхохоталась, и в ее протяжном голосе прозвучал неподдельный азарт. — Любопытное зрелище!

Термин «Проклятие Мертворожденного Младенца» не был для Чжоу Туна новостью — когда-то он наткнулся на описание этого жуткого феномена в старинных трактатах.

В древности безумцы использовали мертвые плоды как алхимический ингредиент для зелий долголетия и воскрешения. Из-за этого полусформировавшиеся эмбрионы ценились на вес золота и становились объектом тайной торговли. Насильственное прерывание беременности на поздних сроках почти всегда уносило и жизнь матери. Самые жестокие дельцы, не дожидаясь родов, заживо вспарывали несчастным женщинам животы, чтобы добыть ценный товар.

Насильственная смерть младенца порождала колоссальный гнев, превращавший его тело в Проклятие Мертворожденного Младенца. Если же погибала и мать, две волны нерастраченной злобы накладывались друг на друга, порождая неописуемый по своей разрушительной силе кошмар.

В народе до сих пор помнили одну жуткую историю. Во времена Великого голода у одного крестьянина забеременела жена. Озумившись от нищеты и голода, мужчина решил спровоцировать у супруги выкидыш, чтобы выгодно продать мертвый плод. Женщина отчаянно защищала дитя, но во время потасовки упала и лишилась чувств. Случились преждевременные роды. Несчастная испустила дух, а выпавший на холодную землю младенец так и не задышал.

Когда обезумевший муж потянулся к тельцу, мертвый младенец внезапно распахнул черные глаза. На его мягких деснах в мгновение ока выросли острые как бритва клыки, которыми он в считанные секунды разорвал отца на куски. Выбравшись из хижины, тварь начала расти на глазах. Сохраняя облик новорожденного, она раздулась до размеров быка и вырезала всю деревню под корень. Лишь проходивший мимо бродячий даос сумел развеять чудовище, но ради этого ему пришлось пожертвовать собственной жизнью.

Проклятие Мертворожденного Младенца испокон веков считалось одним из самых ядовитых и беспощадных порождений тьмы. Женское тело по природе своей наделено иньским началом. Ребенок, развивающийся в утробе, питается исключительно этой энергией, и лишь при рождении соприкасается со светом Ян. Но лишенный этого шанса плод так и не узнал тепла жизни, превратившись в порождение преисподней.

Жуткий младенец упорно карабкался наружу. Крошечные ручки с силой впились в бедра мертвой Чжоу Сяопин, черные когти глубоко вошли в безжизненную плоть. Внезапно он резко повернул голову. Уставившись на Чжоу Туна бездонными, угольно-черными провалами глаз, монстр уродливо оскалится. Из его пасти, усеянной тонкими иглами длинных клыков, донесся хриплый смешок. Казалось, одно движение — и эта пасть без труда перекусит человеческую шею.

Чжоу Тун прищурился. А затем... спокойно и мягко улыбнулся чудовищу в ответ. Оскал на мордочке младенца застыл. словно не понимая, почему стоящий перед ним человек не кричит от ужаса, а улыбается, он глупо захлопал глазами, уставившись на юношу с чистым, почти детским любопытством.

Сделав шаг вперед, Чжоу Тун плавно выдохнул. В согретом воздухе заплясали крошечные золотые искры — остаточная сила «Талисмана Девяти Фениксов для Очищения от Скверны». Они с сухим треском лопались в густом тумане ша.

— Какая жалость, — тихо прошептал Чжоу Тун. — Ты не успел родиться, а тебе уже пора умирать.

Позволить твари покинуть мертвую утробу было нельзя. Оказавшись на свободе, Проклятие Мертворожденного Младенца станет практически неостановимым.

<http://bllate.org/book/18246/1764698>